

Ольга Назарова

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

**ДОБРЫЕ И СМЕШНЫЕ
РАССКАЗЫ**

О ЛЮДЯХ И ТЕХ, КТО РЯДОМ С НИМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ • МОСКВА

Коробка таблеток от депрессии

Ирина постоянно думала о бывшем муже. Даже странно... Бывший. Ну как так? Двое детей, пятнадцать лет вместе, а он выкинул все это, словно ненужную вещь. Нет, наверное, жаловаться глупо. Она жива-здоровая, дети рядом, родители помогают, даже, смешно сказать, свекры и Инна — сестра мужа и то пока на ее стороне.

— Этот придурок Колька, братец мой, даже не соображает, во что вляпался! — шипела Инна. — Мать с отцом в лютом шоке от этой...

«Этой» Инна называла невесту брата. В принципе, и Инну, и свекровь Ира понимала отлично. Молодая девушка из серии «И весь мир у моих ног», приехавшая из соседнего государства и решившая пробиваться в люди самым простым и доступным способом, вряд ли будет хорошей женой. Не для того приехала...

— Но мне-то что с того? — бормотала она. Ира сама себя пугала — сил не было ни на что. Она приходила с работы и падала на диван.

— Mam, давай ты что-нибудь поешь, а? Mam! Мы с Анькой макароны сварили! — теребил ее сын. Сыну тринадцать, дочке одиннадцать, а они так стараются...

— Вставай, колода несчастная! — ругалась на себя Ира. — У них весь мир рухнул, отец ушел, не появля-

ется, заявил, что всех счастливыми он сделать не может. У них тоже беда, а они тебе готовят, стараются! Вставай и иди!

Нет, она и вставала, и шла, и делала вид, что бодрa, но ночью только что не выла, ощущая себя выброшенной, ненужной вещью.

Палатки фермерской ярмарки должны были разобратъ давно, но почему-то про них позабыли, и в них поселилась кошка. Обычная гладкошерстная кошка, белая с серым, только беременная. Ира проскакивала мимо два раза в день — по пути на работу и с работы. Кошку видела, конечно. И сразу же заученным до автоматизма уроком звучал в голове голос мужа:

— Ира, что ты как маленькая! Всех не спасешь! Оставь это и пошли домой!

Он был так уверен в себе и так брезгливо осматривал кошек или собак, которых Ира, словно маленькая девочка, мечтала привести домой.

— Или я, или это! — говорил он.

Ну, конечно, она выбирала любимого мужа, отводила глаза и трусила рядом, повторяя про себя как заведенная:

— Всех не спасешь! Всех не спасешь! Судьба у них такая!

Когда она возвращалась с работы в тот день, уже при выходе из метро почувствовала запах гари. Сморщилась, а потом, пройдя чуть дальше, увидела, что сгорели те самые палатки. Кошка, перепуганная, растерянная кошка сидела неподалеку на мокром газоне. Ей уже столько пришлось потерять — дом, хозяев, ощущение безопасности, что потеря этого ненадежного, но последнего убежища сработала словно заморозка. Даже на отчаяние сил уже не хватало. Кошка попросту легла на бордюру и лежала так.

— Ой, бедолага ты, бедолага... — приговаривала рядом какая-то старушка, разворачивая пакетик с котлеткой. — Вот, поешь хотя бы.

Ира привычно отвела глаза и проскочила мимо, только обратила внимание, что кошка что-то ей напомнила.

— Всех не спасти! Всех не спасти! Вон сколько народу на нее оборачивается, и бабулька кормит. Наверняка сейчас кто-то пожалеет и возьмет.

Если бы можно было слышать мысли людей на какую-то определенную тему, то Ира различила бы невнятное многоголосое бормотание той же самой фразы: «Всех не спасти!»

Вечер прошел как обычно. Дети, тревожно заглядывающие ей в глаза, звонок от родителей, звонок от зловки с очередным описанием проступков «этой»:

— Ты представляешь? Звонит мне и говорит, что мы с родителями должны им выделить комнату! Да с какого перепуга? Брату родители денег дали. Ты же знаешь!

— Знаю, — автоматически согласилась Ира. На подаренные к свадьбе деньги Коля купил дачу. Он обожал рыбалку и приобрел дом у реки, обожал туда ездить с друзьями, но семью брал буквально несколько раз. Ира с детьми обычно проводила отпуск на даче у своих родителей.

— Ирааа! Ты меня слышишь, нет? — заволновалась Инна.

— Слышу! — покорно призналась Ирина.

— И чего я сейчас сказала?

— Что дача Колина. Да я помню... — ей не хотелось говорить про Колину дачу, совсем не было сил.

— Так ты ее делить не будешь? — переживала Инна. Нет, понятно, почему переживала. Ира ей очень сочувствовала. — С тобой родители хотят поговорить.

Ире пришлось выслушать и свекровь, и свекра:

— Ирочка, ну ты же понимаешь, да? Мы выделили Коле его долю деньгами, чтобы он взял ипотеку. А у тебя своя квартира, и он купил дачу. Но дача-то, получается, его. Ты же понимаешь? Это ведь честно! Он же не пытается претендовать на твою квартиру.

Это было чистой правдой! Ире квартира досталась от двоюродной бабушки, получила она ее давно, еще с Колей и знакома не была, и муж даже не заикнулся о разделе, хотя все остальное собрался честно делить. Ира не очень вслушивалась. Он уходил, деловито собирая вещи, рассказывая ей, что она должна его понять, что у него теперь новая жизнь и в этой старой жизни надо все разделить. Все повторял, что он никак, никак не может сделать счастливыми всех! А она только кивала, понимая, что жизнь закончена, и как быть дальше, она не знает. Ведь в их жизни все решал Коля!

— Ира, я тебя очень прошу! Ты скажи ему, что не претендуешь на дачу. Пусть он ее продает и берет ипотеку! — переживала свекровь

— Хорошо, как скажете, — согласилась Ира. Ей было проще согласиться, чем спорить. Видимо, сработал какой-то душевный предохранитель, постаравшийся сберечь хотя бы тот минимум сил, который необходим для выживания. Что сейчас та дача... гораздо важнее удержаться, пусть даже на самом краю.

Следующие три дня она видела ту кошку и утром, и вечером. Дворники гоняли ее с газона, уйти куда-то еще у нее, видимо, уже не было сил, и кошка сидела на верхней ступеньке спуска в подземный переход, прижавшись к каменной стенке. Она не бегала за ногами, ничего не просила, не мяукала. Просто сидела, подбравшись, чтобы стать как можно меньше и незаметнее.

— Да нет же сил на нее смотреть! Ну неужели же никто не может ее взять! — сердито думала Ира, под-

нимаясь по ступенькам и уже привычно отводя взгляд. Ее сзади подтолкнула какая-то крупногабаритная тетушка, и Ира споткнулась, схватившись рукой за поручень прямо над кошкой, волей-неволей взглянув прямо в измученную мордочку.

— Да пни ты ее! — завозмущалась тетушка. — Что ж такое-то! Москва, елки-палки, а тут кошки какие-то проходу не дают, давно отлов надо было вызвать! Чего ждут! Безобразие! Чего стоишь, застыла? Пни и проходи! Или пусти, я пну!

Кошка смотрела прямо Ире в лицо огромными зелеными глазами и старалась сжаться еще больше, чтобы быть совсем-совсем незаметной, но приличных размеров брюшко сделать это уже никак не позволяло.

— Всех не спасти... — зашумело в ушах уверенным голосом мужа. И тут Ира поняла, что ей напоминает эта фраза и эта кошка. «Всех не спасти», а значит, и нечего пытаться хоть кому-то помочь! И как логическое продолжение: «Я не могу сделать всех счастливыми» — а значит, уже и не надо пытаться сдерживать свои желания, можно пройти по жизни другого человека, пусть даже собственных детей. Пройти без страха и упрека. В самом деле, какие тут дети, если они стали мешать жить так, как ему хочется?

— Да пошел ты! — вдруг разозлилась Ира, спугнув гладкие, холодные, скользкие и самоуверенные слова мужа. — Кошка-то такая же, как я! Она тоже стала кому-то не нужна, вместе со своими детьми, вот и оказалась выкинута из той жизни, которая у нее была. Я так же пытаюсь забиться в угол и лежать тихо, только сил нет уйти подальше! — Ира и сама не ожидала, что вместо того, чтобы переступить бездомное, грязное, и возможно, больное животное и дать возможность добраться до него громогласной тетке, она вдруг нагнется и возьмет

кошку! Да, вот прямо наклонится и так уверенно подхватит незнакомую бездомную, глубоко беременную, грязную и что там еще по списку кошку с каменных ступенек.

— Вот и правильно! Только лучше ногой было! Чего пачкаться-то. Кидай ее подальше! — услышала Ира дальнейшие инструкции. И так ее разобрало, что она, перехватив кошку поудобнее и шагнув от лестницы за каменное ограждение входа в метрополитен, взяла и... сунула ее себе за пазуху, в курточное тепло.

— Сиди и молчи! — строго предупредила она кошку. — А то взяли моду командовать все, кому не лень!

Она обернулась к что-то высказывающей тетке и очень корректно, вежливо и холодно посоветовала заткнуться и попинать саму себя! Видимо, сказано было от души, потому что тетка замолчала моментально.

Пока она дошла до дома, немного остыла, и тут же обругала себя всякими нехорошими словами:

— Идиотка! Ну что, мне больше всех надо? Куда я полезла? Мало мне проблем? У меня же дети! А ну как у нее лишай? Или глисты... Или она вообще бешенная? — Ира опасно покосилась на бледный нос и закрытые глаза кошки. — Чего это она? Спит, что ли?

Нет, кошка не спала. Просто так измучилась, что это неожиданное тепло ее совсем разморило.

— Что мне сейчас Коля скажет... — машинально подумала Ира, все-таки трудно разом забыть пятнадцать лет жизни, и тут же застучало в висках:

— Да ничего не скажет! Он свалил к своей Гале! А раз так, то плевать мне на то, что он там мог бы высказать!

Она плакала каждый раз, когда про это вспоминала, а вот сейчас вдруг задумалась:

— А что, собственно, такое случилось? Развод? Да, очень больно и тяжело! Очень! Но это, елки-палки, вовсе не конец света. Я и дети живы-здоровы. Родители тоже. Квартира есть, моя собственная. Зарабатываю я вполне нормально, алименты он платить будет, никуда не денется. Это с практической точки зрения. А с эмоциональной, все фигово, конечно, но вот у меня за пазухой сидит кошка, которой с этой точки зрения от отчаяния вообще подохнуть надо! И явно так бы и случилось, если бы Коля не свалил к своей Гале. А сейчас я возьму и сделаю то, о чем мечтала все эти годы — возьму и заведу себе кошку! А!!! — осенило ее. — Я ж ее уже завела. И даже, по-моему, не одну!

Эта мысль привела Иру в такое удивительно хорошее расположение духа, что, когда она открыла дверь, дети перепуганно уставились на нее.

— И чего вы как два суслика замерли? — весело уточнила она.

— Mam? У тебя все нормально? — осторожно спросил сын. Он так привык к безнадежно-усталому виду мамы, ее слезам, которые она пыталась скрыть, что ее неожиданная улыбка его смутила. У его приятеля Ваньки мама, когда они с его отцом разводились, начала пить. К счастью, опомнилась, но ужас того, что и такое бывает, заставил его похолодеть.

— Костик, Анечка, не пугайтесь вы так. Я просто кошку подобрала!

Через час вымытая, высушенная, накормленная и наглаженная до состояния полного блаженства кошка спала в картонной коробке на кухне. Дети сидели на полу рядом, счастливо улыбаясь друг другу и шепотом рассуждая, сколько у их кошки может быть котят и какие они будут. А Ира, по случаю праздника в их доме, быстренько готовила соответствующий ужин.

— Мам, а что за праздник? — тихо уточнил Костик.

— Как что за праздник? У нас в семье началась новая эпоха! Наша семья завела кошку.

— И не просто кошку, а тоже с семьей! — хихикнула Аня.

— Точно. Объединение двух семей надо отпраздновать! Заодно и решить, как мы назовем нашу кошку.

Решали до ночи, время от времени поглядывая в коробку, где каменным сном смертельно уставшего существа спала их кошка, и сошлись на Басе.

— И понятно, и приятно! — резюмировал Костик.

Поздно ночью, когда дети уже давно спали, Ира, которая как по расписанию плакала с тоски каждую ночь, а в последнее время еще и бессонницей страдала, вдруг увидела, что над краем кровати появляются два острых уха.

— Кис? Кис-кис? Ты ко мне пришла? — удивилась Ира. Ей казалось, что кошка будет спать беспробудно как минимум неделю.

— Конечно, пришла. Тебе ведь плохо. Мне-то уже хорошо, а тебе еще нет. Это неправильно! — Бася с некоторым усилием взобралась вверх, дошла до Иры, совсем затерявшейся на двуспальной кровати, и устроилась у нее под боком.

— Фрррр, сколько тут одиночества, — она понюхала воздух. — И бессонница еще... Что? Бросили тебя? И меня тоже! Только ты меня взяла и спасла, а теперь я тебя спасу. Лучшие кошек никто не прогоняет одиночество. Оно нас не выносит, знаешь ли. Закон такой! А бессонницу мы сейчас уговорим, — она поерзала, поуютнее устраиваясь на кровати, умостила брюшко в уютной одеяльной складке и замурылыкала, привалившись к Ире.

— Тихо-тихо на мягких лапах, тихо-тихо шаги не слышим, мы пойдем за твоими снами, по ветвям и до са-

мой крыши, а на крышах, нагретых в полдень, спят слова, что людьми позабыты, о заботе, любви и долге, о сердцах, что друг другу открыты. Ветер будет гудеть по трубам, огоньки по окошкам гаснуть, ты и я — мы теперь подруги, нам с тобой ничего не страшно. Мы вернемся домой бок о бок, сны слетелись, вокруг кружатся, ты со мною, и я с тобою, надо только друг друга держаться.

Бася смотрела, как закрываются глаза у ее хозяйки. Настоящей хозяйки, она это сразу поняла, как только увидела ее взгляд. Кошка изо всех сил ждала ее все это время! Правда, уже опасалась, что не дождетя. Жизни оставалось все меньше и меньше, словно ее уносила прочь толпа людей, бубнящих «Всех не спасти». Бася отлично это слышала и страшно боялась этих слов. Зато теперь можно не бояться уже ничего! Она дома. Тут никто не обидит ни ее, ни котят, которые скоро захотят увидеть свет.

Семья Ирины увеличилась еще больше уже на следующую ночь. Бася родила котика и кошечку.

— Мам, я тебя очень прошу! Давай оставим котика? Ну, пожалуйста! — ныл Костик. Он глаз не спускал с рыжего толстенького котика, упоенно сосущего молоко.

— Нет. Мамочка, не слушай его! Давай маленькую кошечку оставим, — чуть не плакала Аня, которой приглянулась черная как уголек малышка.

Ира покосилась на счастливую Басю и улыбнулась.

— А давайте! — она могла бы поклясться, что кошка улыбнулась ей в ответ! Словно была абсолютно уверена в хозяйке.

— Так кого? — удивились дети.

— Всех оставляем! И кошку, и котят! Они достаточно натерпелись без нас, — отважно решила Ира и тут же поняла, что решила правильно. Бывают такие моменты, когда от принятого решения теплеет на душе и холод-

ный панцирь, мешавший дышать, сваливается и бес- сильно крошится под ногами. Вот именно так она себя и чувствовала.

— А мы достаточно натерпелись без них! — подумала она, глядя на счастливых детей. — Кто бы знал, что для того, чтобы не выть ночами, не рыдать и не предаваться отчаянию, нужна всего-навсего одна кошка и два котенка!

Она смотрела на полную коробку счастья и все вспоминала слова мужа...

— Да, невозможно спасти всех! Но если спасти хоть одного, то этих неспасенных уже меньше, а счастливых — больше. Только не на одного, а на двух... Это не только для спасенного хорошо! Для тебя это, получается, тоже счастье!

Ирины родители, приехавшие в выходные навестить дочь и внуков, были поражены, увидав улыбающуюся Ирину.

— Иришь, он вернулся? — осторожно уточнила ее мама.

— Кто?

— Ну, Коля? Он все осознал, да? Осознал и решил вернуться?

— Понятия не имею, — равнодушно махнула рукой Ира. Ей как-то без разницы стало, что там осознает ее бывший муж.

— Ааа... А что же ты такая... Радостная?

— Мам, я завела трех кошек и нам хорошо!

— Если бы я знала, что тебе для счастья нужны кошки, я бы тебе десяток принесла! — расплакалась от облегчения ее мама, которая в последнее время очень боялась за дочку, совершенно потерявшуюся в своей беде.

— Ну показывай свои таблетки от депрессии! — Ирин отец кошек любил, так что тоже дочь поддер-

жал. — Ой, какие славные! А чего это он делает? Надо же, такая кроха, а уже зевает! — умилялся он над коробкой «таблеток от депрессии».

Ночью Ира сидела на кухне с Басей, которая выбралась из ящика немножко передохнуть, а заодно и хозяйке компанию составить. Хозяйка грела ладони о кружку с чаем и все думала о том, что не можем мы спасти или осчастливить всех, да и не надо, не по силам это нам. Но сделать то, что можешь, — это же не так сложно, да и не страшно.

— Казалось бы... Всего-то одна кошка, а такое сокровище, тепло и радость! И Анюта ночью от кошмаров не просыпается, и Костик перестал выглядеть, как заведенная до предела пружина, а про меня и говорить-то нечего! Словно отрезало все слезы и трагедии, которые я себе устраивала в последнее время. Да, бывает всякое, было да прошло... Ты живи теперь сам как можешь, не помогай никому, не делай никого счастливым, раз уж так тебе лучше да удобнее. Бог с тобой! Спасибо, что был да вовремя ушел! Вовремя! — последнее слово она произнесла вслух. — Конечно, вовремя, иначе я бы не успела понять, кого мне надо было спасти!

Развод по плану

Развод шел по плану! Хорошо шел, как положено. Сначала Андрей и Марина поняли, что поторопились жениться, потом осознали, что друг друга не понимают и раздражают. Сильно раздражают. Раздражение искрилось в воздухе, текло из крана вместо воды, зависало в кухне и шуршало занавесками, поскрипывало новыми стульями и хлопало дверцей холодильника. Оно размножалось делением в геометрической прогрессии и полностью захватило этот дом. Люди и не заметили, что перестали думать друг о друге без этого уже привычного спутника своего существования. Затем они стали тихо друг друга ненавидеть так, что даже мысли друг о друге вызывали гнев, а в апофеозе ненависть перешла в громкую стадию.

— Я просила тебя не курить? Я миллион раз просила! У меня все провоняло проклятым твоим куревом! Меня тошнит от этого запаха, от тебя! — кричала Марина.

— Да я успокоиться могу только с сигаретой! Я же захожу домой и будто на фронт попадаю! Словно в окопы! Меня выворачивает от одного твоего визга! Хоть бы немного помолчала! — не оставался в долгу Андрей.

Они хлопали дверями, отчего вокруг этих самых дверей рождались темные, невидимые их зрению ви-

хорьки, которые вливались в полноводный поток гнева, омывающий их дом. Они кричали друг на друга, стараясь ранить побольнее, ткнуть в самые-самые уязвимые места. Эти тайные уязвимости нипочем не найти чужим людям, близкие их безошибочно угадывают и оберегают. А бывшие близкие, ставшие ненавидящими друг друга, беззастенчиво бьют в них изо всех орудий.

— Все! Я так больше не могу! Я развожусь! — выкрикнула Марина в ответ на очередной удар Андрея по одному из таких уязвимых мест — ее неумению печь. Ну, может, кому-то другому это и показалось бы смешным, но только не Марине. Она с детства мечтала, чтобы в ее доме пахло тестом, чтобы оно мягко и уютно укладывалось в ее ладони, радостно поднималось, а потом превращалось в пироги или булочки. Но, как назло, тесто ее не слушалось. Маленькой она достаточно наслушалась язвительных шпилек от двоюродных сестер, которым любая выпечка удавалась играючи, а теперь еще и муж издевается?

— Неее! Это я с тобой развожусь! Ты даже пироги приготовить не можешь! — Андрей ухмылялся, уловив, что этим вроде как банальным замечанием выбивает Марину из равновесия.

— Я? Да! Ты прав! Не могу! Зато ты неудачник! Ничего толком заработать не можешь! — Марина тоже ударила по больному. Не то чтобы он не мог заработать, нет, мог. Просто в последнее время реально не везло, уверенности становилось все меньше, а когда тебе еще и в морду этим тычут, кто угодно станет терять последние силы.

— Ты! Ты мне всю жизнь отравила! Тебе-то чего не хватает? — рявкнул он. — Завтра же подаем на развод! Делим квартиру, имущество и кошаков!

— Отличная идея! Самая лучшая, которая у тебя появлялась за последнее время! — взвизгнула Марина.

— *Че-го?* — вышеозначенные кошки, черный кот Примус и кремовая кошка Муся, переглянулись. Муся была подарком Андрея невесте, котеночком жила у заводчицы, то есть жизненный опыт имела небольшой.

— *Чего они такое собрались делать и делить?* — изумилась кошка.

Примус, для близких — Прим, был подобран Маринкой в полубессознательном состоянии у мусорных баков. Жизнь знал, через развод и раздел имущества проходил, собственной шкурой прочувствовал и повторения не хотел категорически.

— *Все! Все они будут делить. И то место, где мы живем, и все-все, что тут есть. А под конец и нас с тобой!*

— *Не понимаю!* — Муся от ужаса затрясла головой. — *Как можно все разделить?*

— *Ну, один возьмет одну миску, другой — другую. И так со всем.*

— *Так у каждого будет гораздо меньше всего!*

— *Они думают, что им будет лучше.*

— *А то, что не делится, как они будут делить?* — Муся устала на свою любимую плошку, состоящую из двух отделений.

— *Пилить...* — хмуро фыркнул Прим. Он думал о гораздо более серьезных вещах, чем миски...

— *Как пилить?* — перепугалась Муся, пока не осознававшая размеров стихийного бедствия. Она решила спасти свою миску и ударом лапы загнала ее под диван. — *Ой, а вот диван? Его они как делить будут? А холодильник? Все-все пилить?*

— *Муся! Я не знаю, как они будут делить диван и холодильник. Самое страшное, что они нас будут делить!*

Муся в таком ужасе посмотрела на кота, что тот,образив, что она перепугана и представляет себе какие-то жуткие картины, объяснил: